

Виктор Далёкий

Рассказы проходимца

Виктор Далёкий

Рассказы проходимца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30478856

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга рассказывает о современном герое, ярком человеке, который на самом деле не является проходимцем, но вместе с тем является таковым по характеру, предприимчивости и везению. Его авантюристность, задушевность, азартность, ловкость и умение находить выходы из трудных положений помогали ему в жизни, из-за чего многие считали его везунчиком.

Содержание

Володя	4
Купцы	23
Перегонщик	30
Блатняк, бандиты, воры	39
Переезд в Германию	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Володя

Все это началось достаточно давно, а получило продолжения недавно, собственно говоря, перед самым юбилеем жены. И, хотя короткое и лаконичное название предлагаемого повествования «Рассказы проходимца» получилось из более длинного и точного «Рассказы задушевного проходимца и вездехода», содержание написанного посвящено человеку, который не является проходимцем по сути, но являлся таковым по характеру, предприимчивости и везению. Его авантюристность, оригинальность, задушевность и азартность располагала к нему людей, которые часто становились его друзьями или, по крайней мере, хорошими знакомыми. Он никого не обманывал, не жульничал, не мошенничал и никогда не искал выгоды для себя. И даже, наоборот, норовил друзьям и знакомым отдать последнее, последнюю рубашку или деньги. В лучшие времена, когда он зарабатывал много, достаточно много и очень много, деньги проходили через его руки, как вода сквозь сито, и легко уходили к другим людям, которые его окружали. Он жил с душою нараспашку, без заглазников, сбережений, мыслей о будущем, как соловей, который живет прекрасными мгновениями в своей песне. Те события, ситуации и приключения, в которые он постоянно попадал, делали его жизнь насыщенной, привлекательной, интересной, эпатажной, вызывая восхищение,

недоумение, переживания и в конце концов, как правило, все тот же восторг от того, как он из сложившихся не в его пользу обстоятельств забавно или находчиво выходил. Приключения любят тех беспокойных людей, которые богаты на выдумку и постоянно находятся в движении. Эти люди целенаправленно, нарочито или не сознавая, невольно ищут приключения, тогда как приключения сами легко находят их. Герой никогда не выдумывал то, что с ним происходило, потому что любая выдумка была бы менее ярка, интересна и не такой впечатляющей, как то, что происходило с ним на самом деле и что исходило в рассказах из его уст. Этот человек не только носил на себе незримую печать «Человек – праздник» но и предпосылки того, что те, кто с ним находился, наверняка попадут в любопытное приключения или будут присутствовать при чем-то неординарном. Когда он начинал ненароком рассказывать о своих похождениях, приключениях, перипетиях можно было заслушаться, настолько это было ярко, эмоционально увлекательно. Нельзя было оторваться, чтобы со смехом или с новыми захватившими чувствами, оставаясь под впечатлением, уйти от него по делам, сказав: «Ну, ладно, хватит болтовни. Я пошел». Это был не тот человек, от которого хочется уйти под предлогом и от которого хотелось бы просто уйти. Скорее наоборот, хотелось пойти за ним туда, где он продолжит свой рассказ. Он примагничивал людей, вовсе не желая того, втягивал в свою жизнь, в орбиту своих интересов, в калейдоскоп сво-

их устремлений и делал это легко, естественно, затейливо и незаметно для себя и всех стальных.

За прошедшие годы мы встречались с ним в разных местах и по разным поводам. Встречались у них дома, когда приезжали в Германию, встречались у нас дома в Москве, встречались на отдыхе, когда брали путевки в одну страну, на один курорт и в одно время, но в разные отели, потому что туристические фирмы в разных странах часто работают с разными отелями. В Турции мы с женой приезжали к нему с женой в отель за десять километров на прокатных велосипедах, чтобы пообщаться и провести целый день. Ходили купаться на пляж, кушали в их ресторане, пряча голубые ремешки на руках, как отельные знаки «все включено», чтобы нас не уличили в том, что делать нельзя. И мы не хотели этого делать, но он внушал нам иное: «Да что вы на самом деле. В этом нет ничего такого особенного. Идемте, идемте...» И мы поддавались на его обаяние и подчинялись колоссальной энергетике. Они приезжали к нам в отель на автобусе и тоже проводили время с нами в нашем отеле, в нашем ресторане, чего делать тоже было нельзя. Они гуляли по парку нашего отеля, сидели в баре и кушали в ресторане, пряча свои желтые ремешки со статусом их отеля «все включено» от официантов и распорядителей залов. И этот авантюризм, на который нас подвигал герой этого повествования давал нам новое ощущение вседозволенности на отдыхе, чего иногда не хватает. Словчить, достать дефицитные билеты или пройти

бесплатно для него было естественным, потому что он делал это по простоте душевной, его вхожести в самые разные и малодоступные места, из-за узнаваемой внешности, возвышенного артистизма, естественного обаяния и ощущения вольности жизни. Однажды они компанией приехали отдыхать в Париж. Билетов в Мулен Руж было не достать ни за какие деньги. И тогда он перед началом представления пристроился к дипломатической делегации, заговорив с кем-то из дипломатов и с иностранной делегацией, пристроив пятерых друзей отправился на представление. Они прошли в зал, сели за столики и, когда должно было начаться представление, обнаружилось, что за столами не всем хватает места из тех, кто купил билеты на представление. Их вычислили быстро. И что? Выгнать никто не посмел – скандалы никому не нужны. Им пришлось заплатить за билеты и все. Места нашлись и тем, кто прошел бесплатно и тем, кто пришел позже по билетам.

И даже, когда его лучшие времена прошли и он стал бессребреником, то не жаловался многочисленным друзьям, которым помог разбогатеть, пристроил на хорошие места и свел с нужными, деловыми, оборотистыми людьми, на скудную жизнь. Но, если бы каждый из них прислал бы ему немного денег он бы уже тогда смог стать состоятельным человеком. Он действительно многих друзей и знакомых свел в бизнесе с нужными людьми и обеспечил процветание, не желая и не рассчитывая на свой процент и выгоду.

Последний раз мы отдыхали с ним на Кипре. Вова прилетел отдыхать на высланные ему деньги. Он только-только приходил в себя после операции. Галя очень хотела повидать брата. Он прилетел на день позже нас, и мы по телефону договорились, что будем ждать его на пляже утром на следующий день после его вечернего прилета. Мы загорали и смотрели как к остановке подходят автобусы, как из них выходят люди. Вова все не появлялся. Спустя примерно час после условленного времени он появился на пригорке и начал спускаться к нам на пляж по тропе. Галя узнала его первой. «Худой», – сказала она со слезами на глазах. Походка его была такой же легкой. Он был в голубой майке с узкими бретельками и белых бриджах. Галя помахала ему руками. И он, увидев нас, тоже помахал. При встрече мы обнялись. Гуляли по пляжу, купались, сидели на песке и обменивались новостями. На следующий день Вова освоился и притащил на пляж два баллона пива и копченую рыбу, которую тут же начал чистить на газету. Нас с Галей это немного смутило, потому что на пляж все приходили с фруктами. К тому же, по пляжу сновал официант в белой курточке и ему можно было, пощелкав пальцами, заказать из прибрежного ресторана еды и какой хочешь выпивки. Рядом с нами лежали некрасивые немки, выставив обнаженные груди так, словно это были ракеты разных размеров, которые давно приготовились к старту, но никогда не взлетят. Тут же играли мамы с детьми. Они бегали по берегу и забавлялись особенно у того места,

где в море впадала крохотная речушка, устраивая водопад с высокого берега и смешивая пресную воду с соленой. В этом месте образовывались бочажки с пресной водой, которые переполнялись и выливались в сторону набегающих волн. Кто-то ел фрукты, кто-то заказывал себе еду и пиво из ресторана. Мы отказались от пива и рыбы, предложенных Вовой. «Как хотите», – сказал тот, почистил на газетку рыбу и принялся уплетать ее, попивая пиво. Вова всегда жил по своим правилам, которые не сильно расходились с общепринятыми, но предполагали некую вольность, свою трактовку. Он чувствовал грань неприличия и редко переступал за нее. Вова приезжал к нам с женой из своего отеля почти каждый день, чтобы повидаться, погулять, покупаться и с нами покушать. В этот раз мы с женой оплачивали ему в нашем отеле обед, вино и пиво, чтобы чувствовать себя комфортно. Когда Вова попытался просто с нами сесть за стол, администратор очень приличный высокий предельно сублильный лысоватый мужчина, просто нам сделал лицо сдержанного недовольства, и этого оказалось достаточным, чтобы нам не поддаться Володиной непосредственности и поступить правильно. На Вову это не подействовало, но мы засовестились и оплатили ему обед. Вова приезжал к нам, мы оплачивали ему обед и сидели в ресторане с пивом и вином, предаваясь разговорам на разные темы. Вечерами мы ходили погулять и провожали Вову в его отель. Как-то вечером мы выходили из кафе, стоявшем по соседству на той же улочке и увидели в сумер-

ках пламя. Это было красиво и тревожно, потому что пламя разгоралось сильнее с каждой секундой. Горело дерево кустарник или дом на холмистой темной горе. В темноте было трудно разглядеть, что горит и где. И Вова первым из всех кинулся в кафе, из которого мы вышли и стал просить, чтобы администратор срочно позвонил в пожарную охрану или туда, куда нужно. Остальные все стояли и смотрели на завораживающий танец пламени, которое что-то безжалостно пожирало сладострастно и непомерно жадно. Администратор выбежал из кафе, чтобы посмотреть на зарево и тут же бросился обратно к телефону на стойке. И я уверен, если бы загорелось где-то совсем рядом, Вова первым бы кинулся тушить пожар и кого-то спасать.

В тот приезд наш отель располагался поблизости от пляжа «Корал-Бэй», возможно самого красивого места на побережье Кипра с песочком и виллами по сторонам на возвышенностях. Но он упорно тащил нас в свой отель, куда мне ехать не хотелось. После его уговоров мы сели в автобус и поехали к нему в отель. На остановке, где мы вышли из автобуса, Вова увидел дерево с плодами и тут же сообщил: «Это съедобные плоды. У нас такие в магазине продают...» После чего начал их собирать под деревом, где они лежали в пыли» Мы его стали уговаривать не брать фрукты и идти дальше. «Они вкусные, я вам точно говорю», – говорил он, продолжая их собирать. В доказательство своих слов он тут же обтер один неприглядный фрукт носовым платком и принял-

ся есть. Мы подождали, пока он наберет достаточно плодов. Ему это скоро надоело, и он повел нас дальше. Его отель действительно оказался красивым и номер просторным и светлым. Он положил собранные плоды на стол, тут же о них забыл и предложил погулять по парку. Мы вышли на пальмовую аллею и мимо кафешек прошли к берегу довольно уродливому на вид. Берегом оказалась страшная заводь, выложенная самой природой из огромных валунов, словно это была купальня для мамонтов. Пока он отлучился от нас в отель, где что-то забыл, мы с женой решили в ней искупаться. К этому располагала жара и после обеденное время купания на море. Валуны оказались слишком округлые, слишком большие и скользкие. Всем своим видом они не внушали доверие и не располагали к купанию. Кое-как мы спустились по ним в воду, также как и другие отдыхающие, в основном итальянцы и русские. И через десять минут стали выходить из воды. Я нашел самое безопасное место и попросил жену выкарабкаться именно в этом месте на берег. Но жена увидела, как ловко выбралась по валунам спортивная женщина и ей захотелось повторить ее маневр по скользким валунам. Новый аттракцион с камнями ее слишком увлек. Я поддался на ее авантюру, выбрался на валуны и подал ей руку, чтобы она забралась по ним с моей помощью. Понимая, что сама она не сможет выкарабкаться на берег, она подала мне руку. Я взял ее за протянутую руку и потянул ее на себя и в этот момент все и произошло. Я поскользнулся так, что ноги мо-

ментально ушли из-под меня вверх и, падая навзничь, ударился головой о валун. При этом я ощутил свою голову косовым орехом, который, как мне показалось, треснул от удара о камень. Тут же вскочив, я снова браво стал на ноги, снова схватил жену за руку и вытянул на камень. Когда уже стояла на камне, я соскочил с камня на землю и обернулся. И в этот момент я увидел ее лицо, которое обезобразила страшная гримаса. «Кровь... – сказала она. – У тебя по спине течет кровь!...» Я понял, что со мной что-то не так. Жена увидела, что по моей спине течет кровь и на нее это так сильно подействовало, что она готова была уже потерять сознание. Голова у меня болела, и я чувствовал, что с ней что-то не так. Ее дикий испуг подействовал на меня отрезвляюще и бравада мгновенно ушла, хотя я и не подал вида. Жена намочила какую-то тряпку и начала ею обмывать мне спину и голову. Кровь из головы продолжала течь довольно обильно. Она обмывала мне голову на затылке и причитала, что рана очень большая. И тут появился Вова, который принял участие в моем спасении. Он повел на к администратору и попросил дать бинты или что-нибудь для обработки раны. Та не совсем его понимала и сказала, что у нее ничего нет. Надо вызывать врача или скорую помощь. На вопрос, где можно что-нибудь раздобыть, администраторша сказала, что это все можно найти в аптеке. И рассказала, где находится аптека. Мы пошли в аптеку. В аптеке он объяснился с аптекарем. Тот развел руками и что-то сказал. Вова объяснил нам, что тот

не врач и поэтому не имеет право оказывать помощь пострадавшему. Мы купили у растерявшего аптекаря йод, бинты и перекись. Обильно поливая голову перекисью и смазывая рану по краям йодом, мы добились того, что кровь потекла слабее. Мне забинтовали голову и повели на автобусную остановку. Кровь по-прежнему текла из моей головы по шее и утекала за воротник на спину, где от нее происходил холодок. Кровь текла до самого вечера и еще сочилась утром. И вот тогда, проснувшись на кровати в номере и увидев на полотенце, которое я предусмотрительно постелил на подушку, сукровицу, я на него осердился. Не на жену, ни на себя, а именно на Вову, потому что он затащил нас к себе в отель и вообще сделал все, чтобы наш отдых изменился, превратившись из спокойного и ленивого в отдых с приключениями. Он постоянно находился под градусом, попивая пиво, вино и что-то еще, что-то придумывая и предпринимая. Однажды он пришел к нам в отель с сумкой полной продуктами, в которых пряталась бутылка вина. Он принялся нам рассказывать, что нашел недалеко от нас замечательный дешевый магазин. «Вот вы здесь сидите и ничего не знаете. А у вас под боком есть замечательный магазин», – говорил он и при этом доставал из сумки и ставил на стол консервы, свежие овощи, фрукты. Мы ему говорили, что этого ничего не нужно, что у нас все включено: и еда и спиртное. Самое главное, что и в его отеле все было так же включено. И ему ничего этого по существу не было нужно. В нем таился и просился все

время наружу первооткрыватель окружающего его мира. И этот мир просил от него открытий, которые меня, например, не особо волновали. Открывать магазины не входило в мои планы, и я надеялся прожить без этого. Поэтому я с головной болью от полученного сотрясения все думал: «Зачем он все это притащил нам? Зачем потащил нас к себе в отель на этот дурацкий пляж. Зачем мне вообще нужны лишние хлопоты и неожиданные приключения». И тогда я сказал себе, что до отъезда в Москву, что буду держаться подальше от него и его затей во избежание новых приключений. И когда он что-то такое норовил предпринять, я уходит играть в пинг-понг или слушал его с безучастным видом. И уже по прилету в Москву понял, что выбрал правильную линию поведения и нашел подтверждение своим намерениям. Из Кипра Володя улетал домой в Германию на следующий день после нас. Он заметно перебрал со спиртным до отлета и поэтому его не пустили в самолет. Денег у него на новый обратный билет не оставалось. Положение было безвыходным. Но он и тут нашел выход из непростой ситуации.

Когда мы поехали покупать жене шубу, за ней нас из Пафоса повез на машине хозяин магазина, находившегося в Ларнаке, Володя поехал с нами. Он сказал, что мы не умеем торговаться и покупать шубы, а он это делает хорошо. И на самом деле по приезде в магазин он, пока Галя мерила шубы, торговался с греком и веселил его прибаутками. И после каждой прибаутки ли шуточки он все время сворачивал на то,

что грек должен нам сбросить цену. Грек действительно сделал нам скидку, но на дальнейшие уступки не пошел и только посмеивался в черные усы, наслаждаясь подходами Володи на снижение цены с разных и неожиданных сторон. Греку явно нравилось, что с ним торговались. И после покупки шубы он дал Володе визитку и сказал, что, если появится необходимость, ему можно позвонить. Что Володя, когда попал в сложное положение в аэропорту, и сделал. Грек помог ему улететь. Он позвонил в аэропорт и, зная местные законы, смог договориться, чтобы авиационная компания дала Володе возможность улететь. Может быть, он за него поручился, дал рекомендации и представил как добросовестного клиента. Во всяком случае Володя с его помощью улетел домой в Германию.

Узнав это, я порадовался за брата жены, но все равно решил держаться от него подальше для своего спокойствия.

Но праздник не может обойти человека стороной, если он имеет к нему самое прямое отношение. Праздник обязательно приходит и заставляет человека радоваться. А если при этом появляется еще человек, который носит клеймо «Человек-праздник», то от этого никуда нельзя деться.

Надо сказать, что все последующее произошло несколько лет спустя. К этому времени голова у меня прошла, последствия от сотрясения не проявились, на шрам на затылке затянулся, а впечатления от приключения на Кипре поблекли.

На Белорусском вокзале мы с женой встречали ее брата Володю, который прилетел из Германии на день рождения сестры, чтобы не только помочь с подготовкой, но и принять непосредственное участие во всем, в чем только можно. Бесконечные междугородные звонки по международным каналам связи с предвкушением встречи, согласованием сроков, места и порядка проведения юбилея закончились тем, что Вова сказал: «Музыкантов со стороны звать не нужно. Я приглашу своих друзей, и мы сами поиграем, попоем». После этого нам с женой стало казаться, что наша проблема «пригласить артистов или нет, и если пригласить, то каких», изменилась настолько, что незнакомые артисты, как будто сами выстроились к нам на кастинг, чтобы можно было выбрать желаемых. Потому что нам стали звонить друзья Володи и узнавать, когда он прилетает и другие подробности.

Мы ходили перед платформой, куда приезжает аэроэкспресс в ожидании брата жены. Жена посылала меня обойти вокзал и посмотреть – не ждет ли приехавший раньше Володя нас где-то в другом месте на вокзале. Я обошел вокзал, заглядывая в кафе и рестораны. Жена прогуливалась у платформы, куда должен был подойти аэроэкспресс. Мы сходили и расходились вновь, как часовые. Наконец, к платформе подошел второй поезд из тех, которых нам удалось встретить, и среди пассажиров мы встретили Володю. Он как всегда элегантный стройный и модно одетый шел от перрона прямо к нам, с порывистостью приятного ветра, катя за со-

бой небольшой чемодан на колесиках. Поправившись после тяжелой болезни, он выглядел лучше, чем сразу после химии и хуже, чем до болезни. Его пшеничные густые волосы, зачесанные назад и составляющие всегда свежий ореол непринужденной элегантности поблекли, потеряли цвет, лоск, поредели, но все равно заметно отросли и украшали его худобу. Глаза, которые во время болезни потухли блекли в бледном сером цвете снова заискрились и словно вспомнили былую незабудковую голубизну.

По дороге домой он рассказал нам, как сам выразился «новый прикол». При прохождении таможи одна сотрудница сказала, что можно подойти к другому свободному таможенному посту. И Вова первым оказался около него. И тут за его спиной появилась дама, которая сказала, что это место для дипломатических работников и посторонним здесь делать нечего. Вова прочитал надпись над таможенным постом «Для дипломатов» и тут же выдал женщине артистически веско и с апломбом: «А ты документы мои видела? Ну, что мне Лаврову позвонить?» После чего женщина отступила назад и притихла. Вмешивать в это дело министра иностранных дел Лаврова она явно не хотела. А Вова протянул свои обычные документы таможеннику, который растерянный взял их и тут же оформил. В этом коротком правдивом анекдоте Володя проявился весь с его мгновенной реакцией, юмором и находчивостью. Без отступлений Вова рассказал нам, как его соседка по самолету оставила в соседнем

кресле сумочку, и ему пришлось ее догонять. И когда он ее таки догнал и вернул сумочку, та запричитала: «У меня же там все деньги, карточки, документы...» Девушка в тот же миг предложила довести Володю на такси, но он отказался. «Да вы что? Меня ждут в другом месте...» Хотя мог доехать на Белорусский вокзал не на аэроэкспрессе, не на такси, а на машине с приятной женщиной, которая чувствовала себя крайне обязанной. Ему всегда нравились свободные полеты, иллюзия независимости и экспромт. Таковыми являлись настоящие и никому не известные герои нашего времени. Они не называют и не выкрикивают своих имен, не дают интервью, не лезут в газеты, на телевидение, не заводят блогов, что бы ими все любовались и восхищались, не пользуются благоприятными обстоятельствами, чтобы облегчить себе жизнь или сделать ее комфортной и привлекательной. Они просто совершают достойные поступки, отходят в сторону и живут дальше своей обычной жизнью. Мы еще сидели на кухне за столом, а международные, междугородные сотовые и проводные телефоны звонили к нам на стационарные и мобильные телефоны. Все родственники, знакомые, близкие и друзья желали узнать, как долетел Вова. Его все любили и, зная его способности попадать в приключения, желали знать, как он долетел и все ли у него в порядке. Надо сказать, что в прошлый его приезд, точнее прилет, он появился у нас дома без чемодана, который пришлось еще несколько дней разыскивать по соответствующим комнатам и кабинетам после его

прилета. В этот раз все обошлось. И Вова едва вошел в нашу квартиру отдал паспорт моей жене. «На, возьми», – сказал он. И жена сначала хотела узнать, зачем, но не стала этого делать. Я же понял сразу – почему. Паспорта он терял чаще всего, как нечто не нужное в этой жизни, но без чего обойтись нельзя. У него было несколько повторяющихся неприятностей, когда он куда-то уезжал или выезжал. Это документы, которые всегда терялись, вещи, которые имели свойства теряться и билеты, которые куда-то пропадали также, как и средства передвижения, к которым они имели отношения, такие как самолеты, автобусы и поезда. Последние имели обыкновения улетать, уезжать и отправляться без человека, который в последний момент таки нашел билет, но не смог вовремя приехать на вокзал. В прошлый приезд в день отъезда Вовы с его подругой Ольгой в Харьков я приехал домой с работы в полной уверенности, что они готовы к отъезду на Павелецкий вокзал, где их согласно расписанию поджидал пассажирский поезд. Велико же было мое удивление, когда я застал Вову, Ольгу и Галю сидящими за столом, выпивающими вино и болтающими на вольные темы. До отхода поезда оставалось полтора часа и с учетом московских пробок мы едва могли успеть на поезд, если бы выехали в то время, когда я пришел. Они же после ночных проводов Володи друзьями в ресторане еще только приходили в себя после сна. Я занервничал и принялся их торопить. Вова спокойно говорил, что они успеют. Мы выехали через полчаса.

Попали в жуткую пробку и опоздали к поезду на двадцать минут. Вова и Ольга купили билеты на следующий день, и мы поехали обратно домой все по той же не рассосавшейся пробке. На этот раз по прилету из Германии после первой же рюмочки за столом Вова поведал, что несколько месяцев назад он возвращался с гастролей из Кельна в Ганновер на автобусе, и у него пропал чемодан со всеми концертными костюмами, модными вещами, модным парфюмом и последними концертными фонограммами. Когда он увидел, что чемодан, который он взял из автобуса, похож на его чемодан, но не является его, он стал хлопотать, чтобы вернуть свои концертные, модные вещи, одеколон, микрофоны и флешки с записями фонограмм. Звонил по разным телефонам в разные инстанции, объяснял ситуацию. Но это оказалось тщетным. В чемодане, который отличался от его чемодана темной вставкой, он обнаружил вещи очень большого размера. До этих размеров ему нужно было расти как ежику до слона. Чужой чемодан он сдал, куда нужно и как положено, тогда как свой не получил обратно. И все сетовал, что немцы обычно в чемодане оставляют визитки или на вшитых карточках внутри чемодана оставляют свои телефоны и адреса. Но ни у Вовы, ни у того, кто взял его чемодан таких карточек не оказалось. И возможно тот большой человек, чемодан которого ему достался, тоже был отнюдь не немцем.

Вова сразу по приезде заявил Гале, что он тоже уже становится немцем. И поэтому после ужина принялся раскла-

дывать вещи из чемодана по местам в комнате, которую ему отвели для проживания. Одни вещи он приготовил для себя, чтобы ходить по дому, другие вещи он приготовил, чтобы ходить по улице, куртки, кепки две пары ботинок, одни осенние, другие теплые. Все это он разложил по стопочкам на полках и по углам. Кроме того, из чемодана он достал привезенные подарки и подарил Гале бусы из жемчуга, которые привез на юбилей, и мне подарил свою очередную белую концертную рубашку. Я не знал, что мне делать с его белыми вычурными концертными рубашками с рюшами и особыми воротниками. Мало того, что они были на размер меньше, надевать я их не мог, потому что на работе ношу исключительно простые рубашки и совсем редко светлые и белые, которые для офиса еще как-то подходили, но для цеха, в который мне приходилось спускаться, никак. Раньше в комнатах, где останавливался Вова, всегда появлялся беспорядок и симпатичный бесшабашный бардак, в котором нужные вещи он доставал из кучи сложенных вещей. Сейчас все было аккуратно разложено и в ванной комнате появились его одеколоны и туалетная сумка с его принадлежностями, которая заняла место на вешалке при входе в ванную комнату. В ней было много карманов, и она могла складываться в дорогу, как книжка.

Но Вова, каким бы немцем он сам себе не казался, все же остался прежним Вовой, и позже я нашел тому ни мало подтверждений. Хотя он давно говорил на русском с мягким

акцентом, делая ударения в непривычных местах словах и выделяя интонационно не те слова в предложениях. Иногда он вставлял привычные немецкие словечки, которым не мог быстро подобрать русские аналоги.

С его появлением у нас дома вечера с ужином всегда продолжались посиделками с разговорами и его бесконечными рассказами о случаях из его жизни и заканчивались всегда поздно. Я слушал его рассказы и понимал, что не могу, не имею права оставлять их без внимания, потому что они интересны, самобытны и несут явный отпечаток нашего времени. Эти рассказы не только характеризовали самого Володю, но и проявляли характерные особенности времени, в котором мы жили. Казалось бы, они хронологически не связаны, потому что прослушивались в той последовательности, в какой я их и воспроизвел. К тому же, я побоялся что-либо менять в них, потому что это могло бы разрушить то впечатление, которое они на меня произвели.

Купцы

Было такое время, когда мы только обосновались в Кельне, и все приезжали ко мне в Германию покупать машины. И блатные, и воры, и чиновники и торгаши, и бизнесмены. Ну, все и знакомые, и незнакомые. Как-то, кто-то, чего-то через кого-то, через знакомых и друзей на меня выходили. Один раз звонит вор в законе Алик и просит встретить его отпрысков и помочь им купить машину. Я их встречаю. Такие молодые ребята пальчатые... «Ну, ты чего в натуре можешь нам машину купить? У нас бабки есть. Новяк со всеми прикидами чтоб». Я их повез в хороший отель, поселил в номере. Они говорят: «На, возьми... Нам надо откинуться и погудеть... Ты завтра за нами заезжай...» И дают мне в руки чемодан. Сами уходят в бар гудеть... Я приезжаю домой, открываю чемодан и впадаю в стопор – просто обалдел. Он полный денег... Сто тысяч зелени... На следующий день приезжаю к ним. Они мне говорят: «Ну, чо? Где бабки? Едем тачку брать?...» Я им говорю, вы чего гоните, у меня нет никаких бабок. Они мне: «Ты чего в натуре? Где чемодан?» Я им говорю: «Нет никакого чемодана, и вы мне ничего не давали». Они смотрят друг на друга и говорят: «Мы чего лохи? Где деньги? Мы совсем что ли отстой?» Отдали мне чемодан с деньгами не спросили, кто я, не спросили, где живу. В общем развел я их. Они все на понтах, начали ругаться. По-

том я им говорю, ладно, кончай базар, поехали, я пошутил. Приезжаем в салон. Покупают пацаны новую машину... И говорят: «Ну, ты это, довези нас хотя бы до Польши. А то мы ваши автобаны не знаем. Как тут у вас чего...» Я им говорю: «Езжайте вот так, потом повернете направо, первый поворот налево, выезжаете на автобан и дальше все время прямо... Через час звонят на телефон и говорят: «Ты это возьми тачку и давай к нам... Мы в натуре заблудились...» Я им говорю, остановите немца и спросите, где вы находитесь. Они: «Так мы по немецкому ни бельмеса. О чем нам с ними говорить?». Я им говорю: «Остановите немца, дайте ему трубку. Я с ним сам поговорю». Потом звонят, дают трубку немцу, я объясняю ему, что им нужно в Россию, и прошу показать дорогу. Тот им показывает, как ехать. Потом звонят: «Мы в натуре заехали в поле и куда нам ехать?» Это умора... Я им: «Ну ищите кого-нибудь...» Они мне: «Кого мы в поле найдем?» Я им объясняю, что нужно кого-то найти, чтобы понять, где вы находитесь, и тогда мы будем решать вашу проблему. Куда-то едут, кого-то находят на какой-то ферме, звонят мне, дают трубку фермеру. Я снова все объясняю немцу и прошу показать дорогу в Россию. И так несколько раз мне звонили. Это вообще смех...

У меня одни уезжали, другие приезжали. И все просят помочь купить машину. Через друзей, знакомых. Все звонят и просят за себя, за кого-то. Ну, а я чего? Конечно, никому не отказываю. Всем помогаю.

Звонит мне знакомый грузин из Бельгии. Мы с ним в Германии познакомились, когда нелегально границу хотели пересечь и нас задержали. Он говорит, помоги машину купить моим знакомым. Ну, ладно. Приезжают три грузина. Один начальник таможни, другой директор завода и еще один. Говорят, денег нету, только собрали на машину. Найди нам дешевую гостиницу. Я им говорю, что дешевых гостиниц нет. Самая дешева 80 марок с человека. Они языками цокают. Еще дешевле нужно. Везу их к одной девушке-инвалиду. У нее трехкомнатная квартира по десять марок. Заселяю. На другой день приезжаю за ними. Их нет. Девушка говорит: «Они уехали» Снова звонит знакомый грузин из Бельгии и говорит, они ко мне приехали. У меня комната маленькая, жена, дети, места нет. Я их к тебе посылаю. Снова приезжают, говорят: «Хочу Бе Ме Ве». Едем в салон покупать машины. Смотрим машины. Один говорит: «Можно за руль сесть» Продавец говорит: «Можно». Этот садится, за руль «Мерседеса» берется за ручку справа и на себя тянет. А у «Мерседесов» эта ручка ручной тормоз. У всех других машин тормоз – это рычаг, где переключаются скорости, а у «Мерсов» он сбоку в другом месте в виде ручки. И тот за нее тянет. А машины под уклон стоят. Одна, за ней вторая и третья. И он на машине под уклон поехал и во вторую машину только – цок. А та в третью – цок и они все в кювет. И эти грузины в крик: «Валим!.. Бежим отсюда!..» Я не могу... И смех, и грех... Куда валим? Куда бежим?.. Вот моя машина сто-

ит. Кругом камеры висят. Я ему говорю, ты зачем за ручку дергал?» Тот говорит: «Я думал это подсос...» В общем насчитали мне хозяин салона семь тысяч марок. Я к другу поехал, говорю, Леня помоги, выручай, так и так. Стоим разговариваем, и тут к нам подходит директор его салона, такой весь блатной. Говорит: «Что случилось?» Я ему все рассказываю, как мы хотели купить машину, мой покупатель сел в машину и дернул за ручку ручного тормоза и как три машины поцоканные в кювет съехали. Теперь владелец салона мне насчитал семь тысяч марок. Тот говорит: «Дай мне его телефон». Звонит тому владельцу салона и говорит: «Ты сам продавал машину? Тот ему отвечает, что нет. Этот спрашивает: «У тебя кто машину продавал? Продавец? Почему он разрешил сесть в машину покупателю и не проконтролировал его действия. Продавец у тебя официальный?..» Потом еще какие-то вопросы задавал, перестал говорить с тем по телефону и говорит мне: «У него продавцом работал нелегал. Ты ему ничего не должен». А в Германии, если ты берешь на работу нелегала, то платишь штраф сто тысяч марок. На другой день едем с грузинами в другой салон. Одному купили машину. Другой сам себе присмотрел. Я ему говорю: «Не бери эту машину. У нее радиатор течет. Видишь лужа под машиной. Тот мне говорит: «Я в машинах разбираюсь. Я радиатор сделаю... Будет как новая». Вечером он мне говорит: «Дай воды залить» На следующий день снова говорит: «Дай воды залить». Я ему говорю: «Ты что купил? Как

домой доедешь?» Доеду, говорит. Я в машинах понимаю». Еще один остался без машины – Цаца его звали. Подходит ко мне и говорит: «У меня тысяча марок. Может, быть мне цену скинут?» Поехали в салон. Смотрим машина «БМВ» хорошая стоит, цена три тысячи марок. А парень такой красивый. Солист грузинского ансамбля пляски. Глаза, щеки, брови – красавец. Я подхожу к директору салона и говорю, сколько тот может скинуть по цене. Тот говорит, нисколько. А я смотрю этот грузин Цаца что-то в руках мнет, какой-то сверток. Я у него спрашиваю, что у тебя там. Тот раскрывает сверток, а там, мама родная, кинжалы – красивые... Откуда, спрашиваю. Танцор говорит: «У меня брат делает. Ручная работа». Красота невероятная. Я беру эти кинжалы и иду к владельцу салона, а он турок. Показываю ему, у того глаза загорелись. Я ему говорю, ручная работа, каждый кинжал десять тысяч стоит. Тот кивает и говорит: «Я знаю». Снова торгуемся и за тысячу марок и два кинжала тот продает нам машину. Приезжаем обратно, у тех грузин челюсти отвисли. Говорят: «А нам чего такую не купил?» У танцора машина, как новая, и за три тысячи марок. Эти рты раскрыли. У одного радиатор течет, у другого колеса плохие и фара задняя битая. Он все время переднюю и заднюю передачи путал. У него ручная коробка переключение скоростей на личной машине была, а тут купил себе автомат и все путал передачи. Когда мы отъехали от салона, на первом светофоре остановились. Сзади него грузовик встает. Светофор дает зеленый.

Мы едем. И он вместо передней передачи включает заднюю. И в грузовик как даст. Водитель даже обалдел. Высовывается из кабины, глаза круглые — не поймет в чем дело. Выходим, смотрим. У грузина на машине небольшое повреждение задней фары. У грузовика ничего, никакой вмятины, ни царапины. Снова садимся, едем. На следующем светофоре останавливаемся. Зеленый загорается, и этот грузин снова путает передачу и как даст в грузовик на заднем ходу еще сильнее. Водитель грузовика совсем обалдел. Выходим, смотрим. У грузовика снова ничего. А у грузина задняя фара на машине вдребезги. Водитель грузовика быстрее полез в машину и рванул от нас, как сумасшедший. Чтобы новую фару купить, денег нет. Поехали на рынок запчастей, купили старую фару за гроши. Мои грузины довольны, собираются уезжать. Перед отъездом этот Цаца достает еще кинжал, красивее, чем те, и дарит его мне. Мы прощаемся. Они садятся в машины. Я им говорю: «Сейчас едем к автобану, я мигаю направо и сворачиваю, а вы дальше едете и выезжаете на автобан. Понятно?» Те кивают головами. Едем, я включаю поворотник и сворачиваю. Они сворачивают за мной. Я выхожу и говорю: «Вы что делаете? Мы как договаривались?» А там с разворотом большой крюк нужно было делать. Снова говорю: «Сейчас едем, разворачиваемся, потом я еду, вы едете за мной, я мигаю правый поворот, поворачиваю. Вы дальше едете. Понятно?» Снова кивают. Садимся, едем. Подъезжаем к тому же месту, я мигаю правый поворот, им через окно показываю

ехать дальше. Рукой машу, чтобы было понятно — вам дальше... Поворачиваю. Они поворачивают за мной. Останавливаюсь, выхожу, спрашиваю, почему за мной повернули. Они говорят: «Ми думали, ты рукой нам машешь, чтобы мы за тобой ехали». Я им снова все объясняю. Едем. Доезжаем до развилки. Я мигаю правый поворот и останавливаюсь. Они тоже останавливаются. Я выхожу и говорю, чтобы они дальше ехали. Едут через час мне звонят и говорят: «Ми заблудились. Езжай к нам и спасай». Ну, я уже знаю, что делать, говорю, ищите немцев. С немцами по телефону объясняюсь, прошу помочь. И все по накатанной схеме...

Перегонщик

Еще до Германии мы жили в Сочи, я работал в «Жемчужине», лучшем ресторане города при гостинице, которая находилась в системе интуриста. Роскошное заведение, много иностранцев, все на высшем уровне, шикарно, магазины «березка», где за валюту можно было купить все, кроме машины. Зарабатывали с женой много. И вдруг мы с музыкантами узнаем, что в городе Нерюнгри можно купить талоны на приобретение машины. Покупаем авиабилеты и летим в Нерюнгри. Ну, туда-сюда, назад-вперед, находим этих людей, которые талоны продают. Ими оказались женщины из столовой. Зашли к ним, поговорили. Веселые, довольные покупаем у них талоны и говорим, до свидания. И тут заведующая говорит: «Стоп! Куда? Вы что думаете, что это все? Так просто от нас отделаетесь и уедете?.. Теперь вы наши». Мощная такая телка, главная у них, хватает меня одной рукой за грудки и через стол к себе, как дернет. Я через стол перелетел и не знаю, как на ноги встал. «Мой, – говорит, – будешь». Я говорю, что я не могу, что сам не по этому делу. В общем, слово за слово подставил вместо себя поварихам трех своих музыкантов. И понеслось. За стеной в гостинице оргии идут. Музыка... Я думаю, надо выбираться как-то из города. Пошел за билетами. Билетов нет на месяц вперед. Подхожу к кассирше, говорю, улететь надо. Она мне безразлично:

«Всем надо». Я к ней и так и эдак. Она ни в какую. Говорю, что могу помочь ей в ее проблемах. Короче, разговорил ее. Она мне говорит: «Как вы мне поможете, если у меня рак?» Я говорю, помогу... У меня знакомые врачи в Питере. Они мои друзья и каждый год в Сочи приезжают отдыхать. Она не верит. Я набираю телефон, разговариваю с Мишей. Он говорит, нет проблем, пусть приезжает. Я ей даю трубку, он с ней говорит, обещает встретить в Питере и помочь. Короче, она продает нам четыре билета, и мы летим в Сочи. Оттуда едем за машинами. Приезжаем в «Набережные челны» на «АвтоВаз». Нас у проходной встречает чеченец и говорит: «Какой талон?... Никакой талон не нужен. У меня будешь покупать...» Чечены тогда завод под контролем держали. На другой день мы с утра пришли оформлять покупку машины. Чеченец куда-то делся. Мы скорее платим деньги, получаем свои «Жигули» и как рванем из города домой в Сочи.

У нас было много знакомых немцев и других иностранцев, которые каждый год приезжали в Сочи отдыхать. Они привозили шмотки, продавали их с рук. Я работал в «Жемчужине», Ирочка работала в «Камелии». У нас все было. Наступило время перестройки с кооперативами. Из-за границы начали завозить товары. В это же время начинают давать визы за границу, и мы, как многие наши знакомые, начинаем мотаться за границу за шмотками. Скоро я продаю свои «Жигули» и мы собираемся с Ирочкой ехать в Германию за машиной. Она летит в Дюссельдорф к нашим знакомым. Я

должен лететь за ней, но лечу по делам в Питер. Там у меня друг профессор. Его жена владеет картинной галереей. Она меня попросила отвезти картину в Германию немцу, который мне за нее заплатит две тысячи марок в качестве комиссионных. Встречаюсь с профессором и его женой, беру у нее картину и еду на такси в аэропорт Пулково. По дороге ко мне в такси подсаживаются еще трое. Двое из них сели по бокам от меня и еще один спереди. Ну, думаю что-то будет. Заперли со обеих сторон. Они мне: «Здорово, братан!... Ты откуда?» Веселые такие... Там туда-сюда... «Братуха, давай выпьем...» Я понимаю, что не все так просто, и они что-то затевают. И начинаю им гнать. Гоню им, что попало. Говорю, что водку пью только паленую и только с клофелином. Без клофелина водку не пью. Потому что люблю только с клофелином. Но особенно люблю пить водку с клофелином после кокаина или марихуаны... В общем гоню им по полной. Они рты раскрыли... Короче, я их развел, как следует, на все сто процентов. Они сдулись и замороченные на всю катушку соскочили. «Ладно, – говорят, давай...» Попрощались и вышли из машины. Я приезжаю в аэропорт, сажусь в самолет и лечу в Германию. Из аэропорта еду прямо к деду. Ирочка уже там. Юзеф меня встречает. Я достаю картину и вижу, что рама шикарная, покрытая позолотой и в одном месте поцарапанная. Отбил кусок. А завтра покупатель придет за ней. Что делать? Я иду в магазины, покупаю кисточки, краски, алебастр. В общем, все, что нужно. И начинаю ремонтировать

раму. Всю ночь красил, подделывал. Не спал ни часа. Утром приезжает немец. Я ему картину предъявляю. Он смотрит, ничего не замечает и дает мне тысячу марок. Я ему говорю: «Мне сказали, что за картину я получу две тысячи марок». Немец ничего не говорит. Достает две тысячи марок и отдает мне. Я ему говорю: «А сколько эта картина стоит, можете мне сказать?» Он говорит: «Тридцать тысяч марок». Тогда я ему говорю: «Тогда мне еще пятьсот марок нужно дать». Он говорит: «Это почему?» И тут Юзеф ему что-то по-немецки говорит. Тот достает еще пятьсот марок и отдает мне. На эти деньги, я еду в салон и покупаю себе темно-зеленый, бутылочного цвета «Мерседес». Накупаем с Ирочкой в магазинах шмоток, упаковки жвачки и все, что можно. И еще перед отъездом одна знакомая полячка весь багажник нам забила куклами Барби. Тогда это было дорогой и ходовой товар. Она как раз в Сочи к нам собиралась лететь. Едем с Ирочкой на купленном «Мерседесе» обратно. Проезжаем Украину. Останавливает нас полицейский, осматривает «Мерседес» и начинает докапываться. Я ему начинаю гнать, что я работаю на «Бавария фильм». Предлагаю денег. Он ставит ногу на бампер, поднимает пальцем козырек фуражки и задумчиво так говорит: «Ты обратно поедешь... Привезешь моей жинке...» И начинает перечислять. Я от смеха чуть не падаю и едва себя сдерживаю, чтобы не расколоться и не разрыдаться от смеха. Потом он говорит: «Что у тебя в багажнике? Покажи...» Я ему открываю багажник. Он смотрит и

видит куклы Барби. Весь багажник ими забит. Глаза у него разгорелись. «Дай мне куклу, – говорит. – Дай!» Что делать? Отдали ему куклу. Отстал. Дальше едем. Останавливает другой полицейский. Я ему предлагаю деньги. Он говорит: «Неа... Гроши у мене е-е... Жвачку давай!» А мне Ирка сказала, что, если ты жвачку отдашь, я тебя убью. Детям же везли. Что делать? Пришлось отдать одну упаковку жвачки. Едем дальше. Бензин заканчивается. И нигде на бензозаправках бензина нет. Бензин почти на нуле, дальше ехать нельзя. Вижу на заправке, где остановились, огромную очередь грузовиков и легковых машин. Спрашиваю, в чем дело. Мне отвечают: «Бензина нет». Я спрашиваю, где главные здесь. Показывают на отдельно стоящее здание. Подъезжаю, выхожу и иду ко входной двери. Слышу гулянка идет. Дверь закрыта. Стучу. Открывает пьяная баба. «Тебе чего надо?» Я говорю: «Бензин нужен... Покупаю за валюту». Она говорит: «У тебя есть?» Я киваю. Она смотрит на «Мерседес» и говорит: «Подъезжаешь незаметно колонке вон к той, заправляешься по-тихому и едешь до перекрестка. Я там тебя жду. Я подъезжаю к колонке, заправляюсь незаметно. И вдруг слышу от грузовиков кто-то кричит: «Смотрите, он заправляется». Крики, шум, гам. Я думаю, ну сейчас отметелят. Быстро вынимаю пистолет из бензобака, садимся с женой в машину и говорю, чтобы Ирочка достала деньги. Она достает их и тут же роняет. Дверь открыта, деньги на землю из машины полетели. Начинаем собирать деньги. Снова садимся, мчимся

к повороту, отдаем деньги той бабе и уезжаем. Приезжаем в Сочи на «Мерседесе». Ни у кого такого нету. Меня начинают просить друзья, знакомые, чтобы я им пригнал машину. Да, самое интересное, как я потом продавал свой «Мерседес». Куда ни приеду, все на мою машину смотрят, расспрашивают, языками чмокают. Просят продать. Но когда цену называю, уходят. Через пару лет собираюсь продавать машину. Ко мне приводят грузина. Он смотрит на машину. Машина как новая, в идеальном состоянии. Салон сияет. Грузин осмотрел ее, потом говорит: «Открой багажник». Я открываю. Он посмотрел и говорит: «Пятьсот килограмм мандарин влезет...» Я обалдеваю, потому что ухаживал за этой машиной, как за женщиной. Пылинки сдувал, химчистку делал. Потом он говорит: «Открой салон. Я ему открываю салон. Он смотрит и говорит: «И сюда пятьсот килограмм влезет... Покупаю, дорогой!» Стою в шоке. Я эту машину холил, лелеял, а этот подходит и говорит: «Пять сот килограмм мандарин влезет... И в салон пятьсот...» Это, вообще, что-то, где-то. Вторую машину я гнал для профессора, моего друга из Набережных Челнов. Он, когда увидел мой зеленый «Мерседес», говорит: «Купи мне белый «Мерседес». И достает из кармана комоч денег. Там марки, фунты, доллары... Для друга чего не сделаешь. Поехали в Германию с Ирочкой за шмотками и за машиной. Выбрал в салоне хорошую машину. Белый «Мерседес». Обратно едем с одним югославом. Вмесеите машины покупали. Он впереди едет, мы с Ирочкой

за ним. Скорость приличная. Я вижу его задние фары. Въехали в Польшу, едем и там в одном месте дорога начинает вилять. Поворот за поворотом. Он повернул и остановился, чтобы меня подождать. А я не увидел его фар, подумал, что он дальше по дороге умчался. Притормаживаю, поворачиваю и со всей скорости в него как влупился. От столкновения меня отбрасывает на обочину, и я еще сбиваю столб с указателем. Через десять минут приезжают полицейские. Они так смотрят на машины, и один из них говорит: «Как все было?.. Так это ты виноват... Еще и столб сбил. Это штраф двести марок... Мы протокол оформлять не будем. Наша смена закончилась. Сейчас приедет новый наряд и все оформит». Они уезжают. Что делать? Я, как ненормальный начинаю руками рыть яму. Быстро-быстро, как собака. Лопаты нет, инструмента тоже никакого нет. Ну, чего делать? Вырыл руками яму, хватаю лежащий столб с указательным знаком, втыкаю его в яму и зарываю. Только закопал и тут подъезжает новый полицейский наряд. Осмотрели повреждения на машинах и один говорит: «Так у вас тут и столб с указателем сбитый должен быть...» Я им говорю: «Какой столб?.. Никакого сбитого столба не было. Столб с указателем вот он стоит на своем месте. Они смотрят, указатель стоит, стоят, плечами пожимают – не поймут, в чем дело. Что с машинами делать? Один полицейский, здоровенный поляк, берет так руками, поднимает мой «Мерседес», а там передняя ось, волной. Он так ставит машину на землю и говорит: «Ничего

можно до сервиса доехать». И мы поехали. За ремонт пришлось все купленные шмотки отдать. Приезжаем в Сочи, я звоню профессору и говорю, что пригнал ему машину, как он просил, белый «Мерседес». Тот мне говорит: «Ты, знаешь что, продай эту машину. Она мне уже не нужна...» Я столько сил затратил, что бы ему «Мерседес» пригнать. А он мне: «Продай машину...» И говорит приезжайте. Мы вас на теплоходе по Волге повезем. Оставили машину на стоянке около дома и поехали в Астрахань. Оттуда на теплоходе по Волге отправились в плавание. В той поездке я узнал, что такое черная икра. Там мы с Ирочкой купили голову черной икры. Ну, такая как футбольный мяч... Я никогда такой не видел... Приехали из круиза по Волге. И я продал этот белый «Мерседес». Потом начал друзьям и знакомым машины из Германии пригонять. Оформляем визу, едем, с женой, покупаем шмотки, машину и едем обратно. У меня машина для знакомых или на продажу, у Ирочки шмотки. Через некоторое время на меня вышли серьезные люди. Все эти люди сейчас на Рублевке живут. Я им всем машины пригонял. Один – миллиардер сейчас. Иногда хочется позвонить и миллиончик попросить. Рома такой был, сейчас очень известный человек. Я с ним больше дело имел. По заказу я пригонял машину из-за границы, на нашей стороне. Рома садился рядом со мной, клал волюну между ног и говорил: «Поехали». Такой мальчик был... Там такая схема была. В Германии сами немцы гнали машины в Польшу. В Польше мы уже забирали

эти машины и гнали в Россию. Немцы, которые пригоняли машины в Польшу, заявляли, что машины угнаны. Им выплачивали страховку. Угнанные машины в России продавались. Все деньги делились поровну.

Блатняк, бандиты, воры

Наступили лихие девяностые годы. Сочи, славившийся артистической и культурной тусовкой изменился. Внешне все было пристойно, но уже все было по-другому. Первыми приехали Люберецкие. Заявились в «Жемчужину», говорят, мы рэкетиры. Что такое рэкет тогда еще никто не знал. Заняли лучшие номера и взяли под контроль весь отель. Ходят такие качки, на концертах занимают лучшие места... Но музыку же все любят. На сцене кордебалет, я пою. Их главный после выступления меня подзывает к себе за столик. Говорит, ты вот эту песню можешь спеть? Я говорю, могу. А эту, спрашивает, можешь. Я говорю, могу... А рок-н-рол, спрашивает, можешь. Я отвечаю, могу... В ресторане чего только не заказывали, и я все пел. Иначе нельзя. Все мировые шлягеры, армянские, грузинские, еврейские, на английском языке. Давай, говорит, вместе споем. Выходим с ним на сцену, музыканты заиграли, мы спели дуэтом. Отошли к бару, стоим разговариваем. А вокруг нас ходят качки – его охранники. И тут приходит Ирочка. И на него как гаркнет: «Ты чего его спаиваешь?» Все притихли, замолчали. Ирочка ничего не боялась. Многого насмотрелась. Он спрашивает меня: «Это кто?» Я говорю: «Жена». Он говорит: «Позвать этих... Сашу, Лешу». Это администратор и еще один из руководства. Те прибежали. Он говорит: «Ну-ка поставить стол

в центре...» Там у нас была сцена и перед ней такой круг, где варьете танцевало, и посетители. Накрыли нам стол на виду у всех, и мы сели праздновать знакомство. После этого заезда рэкетиров в «Жемчужине» появились блатные и воры. Репертуар изменился. Стали заказывать «Мурку» и разные блатные песни – пошел блатняк. Культурный центр город Сочи превратился в большую малину. Приходилось петь низкопробные песни, ладить со всеми ворами и разруливать ситуации. У меня в оркестре был такой крутой парень. Мы его звали Петушок. У него на голове такой гребень, чубчик, был выстрижен. Мы сидели за столом и один блатной к нему обратился: «Петух...» Тот взял со стола вазу и ему ей по голове. И дальше пошли разбирательства. Все стало круто и резко. За слово могли убить. Я все разруливал. Мне предлагали стать вором в законе. Я отказался – зачем мне все это. Один появляется пассажир... Пассажиром мы называли людей, которых берешь сажаешь и везешь, куда надо. Приехал из Якутии и привез пакет с необработанными алмазами. Где он его взял, не знаю. Говорит мне, купи или помоги скинуть. Я не знаю, как ему помочь и что с этим всем делать. Ювелиры так могли бы помочь. Но ювелиров у меня знакомых нет. Надо кого-то искать. Посидели, поговорили. Тот говорит: «Понесу в скупку». Я же знаю, что если ворованное несут в скупку, то потом их берут. Я в это время уже в Европу мотался. Предложил ему поехать со мной. Отвез его Голландию, привел в ювелирную мастерскую, при которой

была скупка. Там один русский работал. Я это знал. Подвел его к двери, открыл ему дверь, завел и ушел. Не знаю, чего там дальше было.

Когда перебрался в Германию жить, все из России друзья и знакомые ко мне поехали в гости и за покупками. Одни уезжали, другие приезжали. Карусель знакомых и малознакомых людей. Приезжали музыканты, их знакомые, знакомые знакомых, их родственники.

Один приезжает ко мне и говорит; «Купи мне автозапчасти. Денег нет, я тебе потом отдам». Ну, я ему заказал запчасти, заплатил пятьсот марок. Он появляется через неделю, дает мне и Ирочке браслеты, цепочки, кольцо, кольца, перстни, серьги. Я ему говорю: «Где взял?» Он говорит: «У одного немца». И уехал. Я все золото Ирочке на квартиру отнес. Золото не любил. Зачем оно мне. На мне сейчас видишь, цепочка с крестиком золотые и больше ничего. Мне его мой барабанщик подарил. К богу так приобщал. Мы в то время с Ирочкой отдельно жили. Я с Юзефом, в его доме, она недалеко на квартире. Юзеф не мог без меня, а Ирку не любил. Днем и ночью меня к себе звал. Ночью курит, сигарету выронит и меня зовет. Ирочке утром на работу. Выспаться надо. А он со мной беседы. Ирочка Юзефа за это не терпела. Этот пассажир с запчастями уехал. Через день звонок в дверь. Я с верхнего этажа сморю за окно. У входной двери стоят шестеро гражданских. Открываю. Они входят и начинают обыск. Юзеф спрашивает: «В чем дело?» Он

был профсоюзным боссом на автомобильном заводе. Те отвечают: «Ваш сын...» Юзеф к этому времени меня уже усыновил. «Ваш сын торгует наркотиками». Он меня спрашивает: «Это правда?» Я говорю: «Нет». Они поискали и ничего не нашли. У меня оставалось немного золота. Я взял горсть, вышел в сад, перед тем, как открывать им дверь и выбросил в кусты. Меня забирают, везут в участок, начинают допрашивать. Оказывается, они меня полгода прослушивали. У нас как-то телефон перестал работать. Вызвали мастера. Он пришел, что-то сделал и все заработало. Наверно, жучок для простушки поставил. Выяснилось, что эти блатные ограбили немецкого ювелира. Наняли там какого-то парня, тот вошел в лавку забрал драгоценности. Те у него все забрали и уехали. Эти драгоценности они увезли с собой, продали где-то и купили кокаин. Полгода меня вызывали на допросы.

Переезд в Германию

Мы жили в Сочи и мотались за шмотками Германию. Я работал в «Жемчужине». Ирочка в «Камелии». Оба эти отеля работали в системе «Интуриста». Ирочка делали массажи, и через нее у нас появилось много знакомых немцев, поляков, французов. Знакомые немцы приглашали нас переехать в Германию. Мы с ними дружили. Я возил их в горы на природу, по ресторанам. Они приходили на концерты и в ресторан «Жемчужины» меня послушать. Когда мы приезжали в Германию, немцы нас возили на природу, в горы на прогулки, по ресторанам и по магазинам. Юзеф и Кэтрин, Марта и Генри звали нас переехать в Германию. И наши знакомые русские, которые раньше уехали, тоже звали переехать в Германию и обещали помочь. Когда в Москве произошел путч, это было последней каплей, которая переполнила чашу терпения, и я сказал: «Все хватит, уезжаем отсюда». У нас в Сочи было две квартиры. Одну я продал, мы женой и младшей дочкой Оксаной получили визы и поехали в Германию. Старшая дочь Марина не хотела уезжать. У нее была любовь с парнем наркоманом, и она осталась в Сочи. Мы прилетели в Германию, и я своих женщин повел сдаваться в пункт приема беженцев. Как раз шла война в Абхазии. И мои девочки должны были сказать, что беженцы. На пункте их приняли, попросили заполнить бумаги. Затем посадили в автобус

и куда-то повезли. Я следом поехал. Мне сдаваться нельзя было, потому что я за проданную квартиру не все деньги получил. И Марину нужно было забирать из Сочи. Их поселили в общежитии, что-то вроде тюрьмы. Дома стоят заключей проволокой. На улицу выходить нельзя. Условия неплохие. Отдельная комната, мебель, бытовая техника. Всем обеспечивали. Никто из тех, кто обещал помочь, не помог. Я звонил Юзефу, Питеру и другим знакомым. Все отказали. Пока мои женщины проходили проверку. Я устроился на работу по-черному. Один немец предложил мне в стене пробить окно. Стена толстенная, сантиметров девяносто. Нарисовал на стене мелом квадрат, дал отбойный молоток, который был немногим меньше его самого, тяжеленный и показал на стену, с нарисованным на ней окном. И я начал. День крошил кирпич и вынимал крошево. Стена крепкая, не поддается. В конце дня он приехал, посмотрел на мою работу, дал двести марок и сказал, что я могу у него оставаться. А он работал на телевидении хаус-мастером, по-нашему завхозом. И он стал давать мне работу. Я неплохо зарабатывал. Девчонки моих выпустили из тюрьмы и отправили в разные города. Такие были правила. Оксана пошла учиться в немецкую школу. Ирина тоже ходила работать по-черному, без оформления. Мяснику помогала, убиралась в домах, подрабатывала в кафе. Оксана в школу пошла учиться. У меня с документами все было налажено. Мне в Москве знакомые делали визу, отправляли ее поездом. Я ее здесь получал и дальше

жил с новой визой и работал. Иногда ездил в Россию по делам. Купил подержанную машину. В тот злополучный день у меня как раз виза кончилась. Я ехал к Ирине, которая должна была встретить человека с поезда, который вез мне визу. И тут меня останавливают полицейские и просят предъявить документы. Я предъявляю. Полицейские смотрят и видят, что виза просрочена. Они везут меня в поле на какую-то штрафстоянку. Я предлагаю им деньги. У меня было 12 тысяч марок. Хотел откупиться. Они везут меня в каталажку. И я бы выкрутился, если бы человек, который вез мне паспорт с визой, не забрал ее, выдрал одну страницу из паспорта. Не знаю, чего, как, почему он так сделал. Может виза поддельная была. И все, меня высылают с запретом въезда в Германию навсегда. Я просидел там неделю, пока разбирались. И тут меня ведут на склад и выдают все новое: новые джинсы, новый джинсовую куртку, ботинки. Все, все. Дают на руки восемьсот марок. Везут на машине в аэропорт, сажают на самолет, и я лечу в Москву. Мой паспорт отдают пилоту. Тот по прилету в Москву отдает его встречающему меня человеку КГБ. Тот выводит меня из аэропорта, отдает паспорт и прощается. Я меняю марки на наши деньги, покупаю билет на самолет и лечу в Сочи. Чего делать? Иду опять работать в «Жемчужину». Назад мне нельзя. Нелегально перебираюсь через границу снова в Германию повидаться с семьей. Возвращаюсь в Сочи. Потом снова нелегально иду через границу. Возвращаюсь. У меня любовь с танцовщицей варьете.

Уезжать из России не хочу. Но семья-то в Германии. Жена оттуда звонит. Приезжай... Чего делать? Я женюсь на подружке Ирочки, беру ее фамилию и с другой фамилией опять собираюсь в Германию. Уговариваю старшую дочь Марину лететь со мной. Она, то ругается со своим молодым человеком, то мирится. То хочет со мной лететь, то не хочет. Билетов до Москвы нет. Но у меня в Сочи все схвачено было. Я договариваюсь с работником аэропорта дядей Юрой, чтобы он меня отправил в Москву на грузовом самолете. В назначенное время прихожу на задний двор. Дядя Юра сажает меня в грузовой самолет. Я прошу его подождать с вылетом. Выхожу из самолета. Марина обещала лететь со мной. Час ее нет, два нет. Мне летчики говорят, что больше ждать не могут. Меня снова заводят в грузовой отсек самолета, сажают на паллеты. На паллетах для меня накрыт стол – шампанское, фрукты, еда. Мы взлетаем, летим и мне с шампанским, фруктами и сыром и колбасой совсем не плохо. В Москве я оформляю визы. Тут мне звонит Марина и говорит, что она хочет ехать со мной в Германию. Я ей говорю, чтобы она шла к дяде Юре на задний двор аэропорта, и он все устроит. Через день она прилетает на грузовом самолете. Я беру билеты в Германию, и мы едем на поезде. Встречаемся с женой, младшей Оксаной и идем сдаваться властям, как беженцы. Нас с Маринкой разделяют и селят в разные общежития. Опять это общежитие – тюрьма. Кого я там только не встречал. Там же многие, чтобы границу перейти и остаться в Германии, паспорта за-

рывали в землю на берегу. Одни муж с женой и ребенком нелегально переходили границу. В начале зимы ночью закопали паспорта на берегу, разделись до гола, обмазали себя солидолом, сверху обмотали себя и ребенка пленкой, чтобы не простудиться, и вплавь по Одеру перебрались из Польши в Германию. Я сам нелегально сколько раз переходил границу, пока не женился на подруге жены. На Польской границе просто. Дашь пограничнику ящик водки и все. С немцами трудно договариваться. Не все берут. Надо еще найти того, кто бабки возьмет. В тюрьме я познакомился с одним вором в законе. Он мне местные обычаи прописал. Потом я сошелся с поляками. Я немного по-польски говорил еще с армии. И потом я всех обыгрывал в баскетбол. В кольцо попадал оттуда, откуда никто попасть не мог. Играли на сигареты, сладкое, чай, печенье. Поляки устроили меня на работу. Нас возили куда-то на предприятие для почты коробки клеить. Я неплохо зарабатывал. Из тюрьмы выпустили. С семьей воссоединиться нельзя. Всех разослали по разным городам. Работать официально нельзя. И начал зарабатывать по-черному. Крутился, как мог. За любую работу брался. Работал на немцев и со своими друзьями дела мутили. Один знакомый решил гнать машины из Германии в Россию. Хороший был бизнес. И меня уговорил. Я вложил свои деньги – пятнадцать тысяч марок. Купил пять машин и он пять. Я нанял людей, чтобы они гнали машины до парома, который отправлялся в Питер. Мой партнер поехал в Россию, вернулся и сказал, что

его кинули. Денег нет. Теперь мы с ним встречаемся, но он об этих деньгах даже не заикается. За это время меня столько раз кидали, столько денег ушло... Даже вспоминать не хочется. И что мне на всех обижаться надо было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.